

34. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. 83.
35. Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. — 1989. — № 4.
36. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. — Киев, 1990. III. 17—20, рис. 16, 2.
37. Засецкая И. П. Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. — 1971. — Вып. 13.
38. Аммиан Марцелин. История. Перевод Ю. Кулаковского. А. Сони. — Киев. 1908. — Вып. 3.
39. Павел Оросий. История против язычников 7 книг. Перевод Г. Г. Зоргенфрея // ВДИ. — 1948. — № 4.
40. Ермай Созомен. Церковная история. Перевод В. В. Латышева // ВДИ. — 1948. — № 4.
41. Зосим. Новая история. Перевод В. В. Латышева // ВДИ. — 1948. — № 4.
42. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. — М., 1950.
43. Иордан. О происхождении и деянии гетов. Перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. — М., 1960.
44. Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод и примечания М. В. Левченко. — М.-Л., 1953.
45. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — Киев, 1914.
46. Vasiliiev A. A. The Goth in the Crimea. — Cambridge, Massachusetts, 1936.
47. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.-Л., 1964.
48. Шелов Д. Б. Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978.
49. Блаватский В. Д. Античная археология и история. — М., 1985.
50. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.-Л., 1949.
51. Фемистий. Речи. Перевод В. В. Латышева // ВДИ. — 1948. — № 3.
52. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. — Л., 1979.
53. Ачкинази И. В. Фрагмент гуннского котла из Неаполя Скифского // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев, 1987. — С. 207—209, рис. 1.
54. Приск Понийский. Готская история. Перевод В. В. Латышева. Записки императорского Русского археологического общества. — СПб., 1900. — Т. XI. — Вып. 4.
55. Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод С. Дестуниса. — СПб., 1862. — С. 57.
56. Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1962.

А. И. АЙБАБИН, А. Г. ГЕРЦЕН, И. Н. ХРАПУНОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА*

В послевоенные годы концепция этнической истории Крыма в основных чертах была намечена объединенной научной сессией отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма, состоявшейся в 1952 г. Выступавшие на ней исследователи, среди которых следует назвать В. Д. Блаватского, П. Н. Шульца, Б. А. Рыбакова, С. А. Секирянского, единодушно критически оценили «автохтонистские» взгляды Н. Я. Марра и его последователей, что впрочем было облегчено появлением статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В «Решении» сессии были поставлены кон-

кретные задачи дальнейшего изучения прошлого Крыма. В отношении этнической истории были намечены следующие проблемы**:

2) Тщательно и разносторонне изучать связи коренного населения Крыма с земледельческим населением Восточной Европы во все эпохи, обратив особое внимание на связи с древними славянами.

4) Усилить внимание к изучению истории древних племен — киммерийцев, тавров, скифов, местов, сарматов и др.

8) На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов как варианты реакционной норманистской теории.

10) Широко и разносторонне изучать исто-

*Пленарный доклад на конференции «Проблемы истории Крыма». — Симферополь, 1991.

**Сохранена нумерация соответствующих пунктов «Решения»

рию проникновения славян и славянские поселения в Крыму.

12) Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма.

Сессия 1952 г. должна была своим научным авторитетом закрепить этнополитическую ситуацию, сложившуюся в результате преступной акции сталинского режима — депортацию ряда этносов из Крыма «навечно, без права возвращения». И если об исследованиях истории и этнографии крымских армян, болгар, греков, немцев ничего не говорилось, то в адрес разгромленных еще в начале 30-х гг. краеведческих организаций Крыма был брошен суровый упрек за «излишнее внимание изучению и любованию средневековой татарской культурой» и недостаточно критическое изучение истории Крымского ханства. Хотя исследования в этой области в Кр. АССР довоенного времени были явно недостаточны.

Острой критике подверглась статья С. В. Бахрушина «Основные моменты истории Крымского ханства» (История в школе. — 1932, — № 2), в которой содержалась взвешенная оценка исторической роли этого государства, развития его культуры, последствий включения Крыма в состав Российской Империи.

Вообще не намечалось изучения этнической ситуации на полуострове в период развитого и позднего средневековья. Акцент делался лишь на общих социально-экономических и политических аспектах.

За прошедшие четыре десятилетия накоплен огромный фактический материал. В многочисленных публикациях освещались различные аспекты истории народов, населявших Крым. В настоящее время возникла необходимость подвести итоги проведенным исследованиям.

В предлагаемом докладе мы рассмотрим вопросы этнической истории Крыма начиная с I тыс. до н. э.

Первыми по хронологическому принципу должны быть названы киммерийцы. Важнейшими до сих пор нерешенными проблемами их истории являются: происхождение этого народа, его языковая принадлежность, ареал, соотношение с киммерийцами какой-либо археологической культуры. При их изучении приходится оперировать большим массивом источников, среди которых крымские материалы сами по себе не играют значительной роли. На определенном этапе результаты исследований киммерийских древностей суммировал А. И. Тереножкин (1). В работах последних лет, как и ранее, все исследователи постоянно обращаются к «киммерийской топонимике» Керченского полуострова (2; 3). Среди доскифских погребений эпохи раннего железа, которые, согласно преобладающей в современной науке точке зрения, принадлежали киммерийцам, заметное ме-

сто занимают захоронения у села Зольного близ Симферополя (4) и села Целинного в Джанкойском районе (5). Недавно было детально аргументировано высказывавшееся и ранее мнение о том, что киммерийцы никогда не населяли Северное Причерноморье, а сформировались на Иранском плато, откуда они совершали набеги на древневосточные государства (6, с. 60, 188).

Согласно другой нетрадиционной гипотезе, киммерийцы — это не этноним, а имя нарицательное со значением «подвижный отряд». Так переднеазиатские народы называли всех кочевников, говоривших на северо-восточных иранских языках (7).

Весьма активно последние десятилетия исследовались таврские могильники и памятники кизил-кобинской культуры. Обновленная источниковедческая база позволила обратиться к решению кардинальных вопросов истории тавров. Нет единства во взглядах по поводу их этногенеза. Так, А. А. Щепинский несколько модернизировал давно уже сформулированную гипотезу о том, что тавры — потомки отступивших в горы киммерийцев. С поздними киммерийцами он связал кизил-кобинскую культуру (8, с. 39). А. М. Лесков полагает, что тавры сформировались в результате миграции в Крым кавказских племен (9, с. 156, 159). По В. А. Колотухину, тавры генетически связаны с племенами, населявшими Крым в эпоху поздней бронзы (10, с. 15—16, 11) Часть этих племен на рубеже эпохи бронзы и раннего железа перешла к кочевому образу жизни, другая — консолидировалась в предгорном Крыму, занимаясь земледелием и пастушеским скотоводством. Жители предгорий стали известны древним авторам под именем тавров. Гипотеза О. Н. Трубачева о том, что тавры — это потомки индоариев, осевших в Крымских горах (14, 15 и др.), встретила резкую критику (12, 13).

Едва ли не центральной проблемой истории тавров является их отношение к кизил-кобинской культуре. Многие исследователи придерживаются мнения, высказанного еще Г. А. Бонч-Осмоловским (16, с. 93), о принадлежности кизил-кобинской культуры таврам (17, с. 241; 9; 183, с. 44—45). А. А. Щепинский (8, с. 30—39) и Х. И. Крис (19, с. 54—56), развивая мысль В. Н. Дьякова (20, с. 80) аргументировали положение о том, что эта культура оставлена народом, этноним которого не известен. Разногласия исследователей связаны с отличиями южнобережных памятников от предгорных. Возможно, их удастся устранить, если предположить, что в VI в. до н. э. некоторые таврские племена переселились в горы и на Южный берег Крыма, где перешли к отгонно-пастбищному скотоводству и, возможно, пиратству. Различия в хозяйственной деятельности и некоторая территориальная обособленность при-

вели к формированию двух культурных комплексов в пределах одной этнической общности.

Прежде чем перейти к дискуссионной проблеме об исторических судьбах тавров, отметим два частных положения. Во-первых, могильники из каменных ящиков, всеми исследованиями определяемые как таврские, функционировали в VI—V вв. до н. э., а кизил-кобинские памятники датируются в целом IX—III вв. до н. э. Во-вторых, многие памятники южного берега, которые традиционно считались таврскими, таковыми не являются. Так, крепость Харакс, по мнению В. Д. Блаватского (21, с. 259, 291) и других авторов, основанная таврами, оказалась собственно римской (22, 23). Укрепления на Аю-Даге, Кастеле и многих других пунктах возникли в эпоху средневековья (24, с. 103—106; 25). Единственное таврское поселение, известное в пределах Южного берега Крыма, расположено на горе Кошка в Симеизе (26). Но и в данном случае определение оборонительной стены и жилых построек как таврских вызывает сомнения (27, с. 288—331).

В 1950-е и 60-е гг. во многих работах развивалась мысль о том, что в раннем средневековье тавры стали одним из компонентов складывавшегося в Крымских горах этноса (обзор источников и литературы см. 28, с. 12—22). Археологически это предположение не подкреплено. Ведь самые поздние таврские памятники, даже если признать таврской кизил-кобинскую культуру, относятся к IV—III вв. до н. э. Правда, в первые века н. э. этнонимы «тавры», а чаще «тавроскифы» упоминаются в заслуживающих доверия эпиграфических документах, происходящих с Боспора и из Херсонеса (29). Однако культура тавров этого времени нам не известна. Можно предположить, что тавры вливались в число жителей многочисленных позднескифских поселений, что и дало повод античным авторам именовать население крымских предгорий тавроскифами.

Дискуссионность активно обсуждаемой проблемы этногенеза скифов в какой-то мере объясняется малым количеством раннескифских памятников, открытых в Северном Причерноморье. Относительно недавно в их число вошло одно из самых ранних и хорошо датированных погребений у села Филатовка в северном Крыму (30).

Давняя полемика о расселении скифских племен по Геродоту и археологическим данным продолжалась во многих работах, увидевших свет в последние десятилетия. Абсолютное большинство исследователей, опираясь на недвусмысленные указания Геродота, полагает, что степной Крым принадлежал царским скифам (31, с. 18; 32, с. 17; 33, с. 98; 34, с. 112; 35, с. 196).

Новый археологический материал позволил отказать от весьма распространенной одно

время идеи Б. Н. Гракова о насильственном переселении в Крым в IV в. до н. э. скифов-земледельцев из районов Нижнего Поднепровья. Вероятно, процесс оседания скифов на землю происходил независимо в нескольких регионах (36, с. 17).

Еще в 1950-е гг. Т. Н. Троицкая отметила неоднородность скифской культуры в разных районах Крыма (37). С тех пор, благодаря широкому археологическим исследованиям, многократно увеличился исходный материал, опубликованы сводные работы (38; 39; 40; 41), позволившие глубже выявить особенности скифских памятников в четырех регионах: Северном, Северо-Западном и Центральном Крыму, а также на Керченском полуострове. Возможно, в будущем удастся на основе данных археологии определить их этническую специфику.

На границе крымских степей и предгорий открыты погребения VI—IV вв. до н. э., сочетающие скифские и кизил-кобинские черты. Высказано обоснованное предположение, что они отражают процессы смещения скифского и таврского населения в зоне контакта двух этносов (42, с. 72—73; 43, с. 34—36).

Особой сложностью отличались этнические процессы, протекавшие в скифское время на Керченском полуострове. Здесь постоянно взаимодействовали три этноса: греки, скифы и местные доскифские племена. Благодаря исследованиям Ак-Тапского могильника удалось детально проследить процесс ассимиляции местного населения скифами (44, с. 101—104). Причем в данном случае результаты археологических изысканий были подтверждены анализом антропологического материала (45, с. 134—144). Мы, вслед за А. М. Лесковым (46), считаем, что предшественниками скифов на Керченском полуострове были тавры, но есть и иные мнения. В частности, в этом населении одни исследователи видели потомков киммерийцев (47; 48; 49; 50, с. 27), другие — племена, родственные кавказским синдам (51). За последние десятилетия в Предгорном и Северо-Западном Крыму открыты и исследованы десятки памятников, относящихся к позднескифской культуре. Накопленный материал позволил, по мнению многих исследователей, подтвердить мысль, сформулированную еще в 1940-е гг. Б. Н. Граковым (52, с. 86) и М. И. Артамоновым (53, с. 56, 73), о генетической зависимости позднескифской культуры от раннескифской, а следовательно, и об этнической преемственности носителей этих культур (54, с. 127; 55). Этот вывод поддержан антропологами, занимавшимися сравнительным анализом краниологических серий из раннескифских и позднескифских могильников (56, с. 53, 61).

Попутно заметим, что весьма удачной представляется сама дефиниция «позднескифская культура», как отражающая, с одной стороны,

преemptивность от раннескифской, а с другой — существенные трансформации, которые эта культура претерпела в связи с переходом скифов к оседлости и из-за включения в их состав многочисленных иноэтнических элементов.

В ходе исследования позднескифских могильников выявлены погребальные сооружения и элементы обряда захоронения, которые принято связывать с сарматами (57, 58, с. 89—98; 59). Д. С. Раевский проследил волны сарматских миграций на территорию поздних скифов, используя в качестве исходного материала результаты раскопок восточного некрополя столицы позднескифского государства (60). Несмотря на пристальный интерес исследователей к проблеме сарматизации позднескифского государства, многое в ней еще остается неясным. Так, некоторые типы могил, традиционно считавшиеся сарматскими, предложено рассматривать не в качестве этнодифференцирующих показателей, а как отражение сложной социальной структуры позднескифского общества (61). Некоторые признаки погребального обряда оказываются одинаково присущими как скифам, так и сарматам. Например, такой могильник как Скалистое II (62, с. 132—133), обычно включаемый во все сводные работы, посвященные поздним скифам, представляется собственно сарматским и, возможно, отражает факт оседания на землю в пределах позднескифского государства какого-то сарматского племени.

Складывается парадоксальная ситуация, когда сарматскую культуру в Крыму приходится изучать, в основном, обращаясь к античным и позднескифским памятникам, и выявляя, с большей или меньшей степенью достоверности, сарматские элементы в иной этнической среде. Памятников, бесспорно оставленных сарматами до эпохи великого переселения народов, в Крыму очень немного (63; 64). Среди них выдающееся место принадлежит Нагайчинскому кургану, но результаты его исследования, несмотря на то, что со времени раскопок прошло уже 20 лет, до сих пор по-настоящему не опубликованы (65).

Вероятно, среди поздних скифов жили и фракийцы. Такое предположение подтверждается находками на позднескифских поселениях весьма многочисленных керамических сосудов и некоторых других вещей, имеющих аналогии на землях, занятых гетами и даками (66, с. 117—119). Обнаружены также изделия, происхождение которых связывают с кельтами (67). Не позднее II в. до н. э. в Крыму поселились сатархи, этногенез которых и локализация на современной географической карте вызывают споры среди исследователей, к тому же сатархи до сих пор совершенно неуловимы археологически (68).

За последние годы позднескифские посе-

ления открыты в пределах Боспорского царства (69, с. 92—93). Скифы, наряду с сарматами и греками, были участниками тех сложных многовековых этногенетических процессов на Боспоре, которые привели к созданию этноса, именуемого некоторыми исследователями, в соответствии с письменными источниками, боспорянами или боспорскими греками (70, с. 96).

В литературе высказывались весьма противоречивые мнения об этнических процессах, протекающих на полуострове в середине III—IX вв. В 1930-х гг. автохтонность населения полуострова обосновывали с помощью теории Н. Я. Марра о стадийном развитии.

В. И. Равнодикас писал о происхождении готской народности в результате последовательной смены киммерийской, тавро-скифской и сармато-аланской стадий (71, с. 35—38, 41, 44, 45). Близкой точки зрения придерживался и Л. А. Мацулевич (72). П. Н. Шульц (73, с. 89—93) и П. Н. Надинский (74, с. 45—48) утверждали, что тавро-скифы на следующей стадии своего развития трансформировались в славян. Несмотря на отказ в 1952 г. от теории Н. Я. Марра, многие исследователи активно отстаивали ведущую роль тавро-скифов в Юго-Западном Крыму после III в. С их потомками В. Д. Блаватский связывал южнобережный могильник Харакс (21, с. 274). В. В. Кропоткин писал о принадлежности тавро-скифам и сармато-аланам раннесредневековых могильников Суук-Су, Чуфут-Кале (75). По словам Т. Н. Высотской, население позднескифского государства (скифы и сарматы) в III в. под давлением готов, а в IV в. гуннов переселились в горные районы (58, с. 188). По мнению Е. В. Веймарна, скифо-сарматы в III—V вв. под натиском кочевников ушли из низовьев рек Булганак, Альмы, Качи и Бельбека в горные долины между первой и второй грядами гор (76, с. 26). В. П. Бабенчиков и М. А. Фронджуло доказывали, что в VIII—IX вв. Юго-Восточный Крым населяли потомки тавров, скифов, сармато-алан и боспорских греков, уцелевших после гибели Боспорского царства (77, с. 130, 131; 78, с. 145, 146). О местных тавро-скифских племенах, переживших катаклизмы III—V вв. говорится в последнем издании III тома «Археологии Украинской ССР» (79). Скифскими называли некоторые могильники второй половины III—VI вв., раскопанные в Юго-Западном Крыму, В. В. Седов (80), О. Д. Дашевская (81) и другие.

По мнению М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона (82, с. 322, 323; 83, с. 193, 194), пришедшие в Крым готы расселились в Крыму среди местного населения, основу которого составляли аланы, ассимилировавшие потомков тавро-скифов. Их вывод поддержали А. В. Гадло (84, с. 276) и А. К. Амброз (85, с. 24).

В последние десятилетия археологи открыли и исследовали многие десятки поселений и

могильников интересующего нас периода. В литературе наметился новый подход к изучению генезиса раннесредневекового населения Крыма. В результате разработки детальной типологии инвентаря поселений и могильников и обоснования узкой хронологии происходящих с их территории закрытых комплексов вещей уточнена хронология памятников и археологических культур. Полученные факты противоречат авторитетной теории. Во-первых, скифо-сарматские поселения оставлены в результате военного вторжения. Тогда же в середине — конце III в. прекратили существование некрополи, связанные с названными поселениями. Во-вторых, склепы, зачищенные на могильниках, появившихся в Юго-Западном Крыму с середины III в., по конструкции подобны аласким склепам Северного Кавказа (86, с. 192).

Во второй половине III — первой половине V вв. в этом регионе распространились трупосожжения (Харакс, Чатыр-Даг, Черная Речка). В. Д. Блаватский, М. А. Тиханова и А. А. Масленников приписывали обряд кремации местным жителям, попавшим под влияние римлян (21, с. 204; 82, с. 322; 87, с. 57), Е. В. Веймарн, В. Ф. Стржелецкий и А. П. Смирнов — переселившимся на Южный берег славянам (88, 89), В. В. Кропоткин (90), И. С. Пиоро (28, с. 91—108) и другие (91, с. 118, 119; 79, с. 233) — германцам — носителям черняховской культуры, а М. М. Казанский — еддуксианам — германцам скандинавского происхождения (92, с. 57). Рассматриваемые крымские захоронения с трупосожжениями по конструкции ям и обряду подобны однотипным германским погребениям из Северной Прибалтики (93, с. 66).

Могильники с кремацией и со склепами новой конструкции распространились на полуострове с середины III в. Именно тогда, по сообщению древних авторов, в Крым вторглись готы и их союзники аланы (94, с. 1, 2; 95, с. 16, 18). Под их натиском погибло позднескифское государство (58, с. 186—187). Готы заставили римлян вывести свои гарнизоны из горнокрымских крепостей (57, с. 57—58; 96, с. 4), защищавших подступы к Херсонесу. Судя по материалам раскопок, Херсонес и многие малые боспорские города и сельские поселения избежали нападения готов (93, с. 66; 97, с. 245). Готы расселились на Южном берегу и среди сарматского населения Боспора, тогда как аланы — в Горном, Центральном Крыму и на Боспоре (93, с. 66). Не исключено, что пришельцы ассимилировали какую-то часть уцелевших в предгорьях скифо-сармат.

По информации ранневизантийских историков, на тринадцатом году правления императора Валента (364—378 гг.) гунны завоевали Приазовье и разгромили в Северном Причерноморье остготское государство Германариха (98, с. 236—243; 99). По предположению А. А. Ва-

сильева (94, с. 32, 36) и Ю. А. Кулаковского (100, с. 54, 55) только часть направившихся на запад гуннов мирно проследовала через Боспорский полуостров. По мнению В. Д. Блаватского (97, с. 255), В. Ф. Гайдукевича (101, с. 479), А. Л. Якобсона (102, с. 7) и Д. Б. Шелова (103, с. 82), гунны не только уничтожили города и поселения Боспора, но и напали на Херсонес. Видимо, гунны приникли в Восточный Крым после 380 г. (104, с. 13, 14). Наиболее ранние гуннские погребения с вещами полихромного стиля (105) распространились в Восточном и степном Крыму с начала V в. Одновременно у боспорской знати вошли в моду тождественные гуннским полихромные изделия, изготовлявшиеся городскими ремесленниками (85, с. 15; 93, с. 67). Результаты анализа керамических комплексов IV—V вв. с территории Боспора убедительно опровергают утверждения о том, что появление гуннов привело к полному запустению Керченского полуострова (106).

На вторжение кочевников Византия отреагировала усилением своего военного присутствия в Юго-Западном Крыму. В Херсонесе император Валент разместил отряд баллистариев (107, с. 544—552), а императоры Феодосий I и Гонорий разрешили варварам (аланам и готам) федератам селиться в Херсонесе и его округе (108, с. 138—139).

После смерти Аттилы и распада его державы его сын Утигур со своим племенем вернулся в Приазовье. Крымские готы-тетракситы, заключив союз с утигурами, разделились на две группы. Одна из них, скорее всего, переселилась на Черноморское побережье южнее Таманского полуострова, а другая осталась в Крыму. Прокопий писал об издавна живших на полуострове готах, не последовавших за Теодорихом в Италию (поход начался в 488 г.) (109, 3, VII, 13).

С середины VI в. в Крым дважды вторгались кочевники, которых византийские историки VI в. называли и гуннами-альциагирами и утигурами. В ответ на эти события Византия активизировала строительство крепостей. В них размещались гарнизоны из местных алано-готов.

Византинизация Юго-Западного Крыма способствовала христианизации населения региона. По мнению А. К. Амброза в результате этого процесса на полуострове с конца VII в. распространились плитовые могильники, в которых хоронили представителей всех этнических групп (110, с. 277—283).

Во второй четверти VII в. крымская степь попала в сферу влияния Великой Болгарии. Принадлежавшие праболгарам-кутригурам погребения первой половины VII в. с геральдическими поясными наборами зачищены в степи. Видимо, благодаря посредничеству кутригуров типичные для славян и кочевников Поднепровья элементы материальной культуры рас-

пространились среди алано-готского населения Горного Крыма.

Во второй половине VII в. началась экспансия хазар в Приазовье и в Северное Причерноморье. Под давлением хазар в конце VII в. часть приазовских болгар переселилась в Крым. Именно тогда в названных районах возникли многочисленные поселения и могильники. Художник Н. С. Барсамов, который впервые исследовал подобное поселение в Коктебеле в 1928 г., связал его со славянами (111). Его поддержали некоторые московские специалисты. Однако И. И. Ляпушкин (112), А. А. Якобсон (83), А. В. Гадло (113) и И. А. Баранов (114, с. 140—145) убедительно доказали принадлежность данных памятников болгарам. И. А. Баранов пытался выделить еще вторую волну пришельцев тюрко-болгар из Поволжья, кутригуров (2-я пол. VIII—X вв.). В. Е. Рудаков, исследователь Баклинского городища, отмечал важную роль в этническом процессе алан, которые, по его мнению, могли быть носителями элементов салто-во-маяцкой культуры (115, с. 106).

В Горном Крыму и на Южном берегу этнический состав населения не изменился. В конце VII в. хазарское влияние распространилось на Готию. Такой вывод исследователи обычно делают из рассказа Феофана и Никифора о событиях, связанных с высылкой Юстиниана II в 695 г. в Херсонес.

А. Л. Якобсоном VIII—X вв. были определены как время формирования единой средневековой народности, в которой растворялись различные элементы, в той или иной степени грецизированные. Он полагал, что в этом процессе участвовали греки, готы, аланы, но доминировали праболгары, пришедшие из Приазовья (116, с. 138). Согласно материалам исследований могильников, в X в. в среде оседлого населения Таврики повсеместно распространяется христианский погребальный обряд. На некрополях использовались надгробные памятники с надписями на средневековом греческом языке и христианской византийской символикой. Проходила византинизация естественным или насильственным путем? Вероятно, «ромеизация» аланов и готов протекала через заимствование языка и культуры Византии. Ее заметное население на протяжении всего раннего средневековья являло собой симбиоз, скрепленный сознанием конфессионального единства, просуществовавшего по крайней мере до XIII в., то есть времени, когда начался процесс складывания греческой средневековой народности.

О том, что в Таврике «ромеизация» не шла слишком далеко свидетельствует длительное сохранение, по крайней мере до XVI в., готского языка (117) и этнического самосознания.

В XIII в. этнический состав христианского населения, преимущественно Восточного Кры-

ма, изменился в результате массовой армянской иммиграции и появления итальянских колоний.

Исследования по этнической истории Крыма периода развитого и позднего средневековья за прошедшие четыре десятилетия проводились неравномерно. Акцент делался, в основном, на изучение населения городов. Так, Солхату посвящены работы М. Г. Крамаровского; Херсонсу — А. Л. Якобсона, А. И. Романчук. Особо нужно отметить монографию Н. М. Богдановой «Херсон в X—XV вв.», в которой отдельная глава посвящена этническому составу населения города. Проанализировав широкий круг источников, автор приходит к выводу об этнической пестроте города, о чем свидетельствуют находки греческих, славянских, аланских, армянских, арабских надписей. (118, 119; 120; 121, с. 110—116).

Интересные результаты могло дать сопоставление процессов социально-политического развития феодального общества и сопутствующих им этнических изменений в княжестве Феодоро, в котором происходила этноконфессиональная интеграция различных групп. Именно это население впоследствии стали именовать «крымскими греками».

Назрела необходимость провести сравнительные исследования памятников христианского населения позднесредневекового Крыма и греков Приазовья. Этнолингвистические исследования в названных регионах привели к различным взглядам на происхождение данной общности. Так А. А. Белецкий сделал вывод о переходе части греков на крымскотатарский язык, о чем достаточно убедительно свидетельствуют собственные представления урумов, зафиксированные авторами XIX в. (122, с. 13).

По мнению же А. Н. Гаркавца, христианское население полуострова сформировалось в основном из половцев-кыпчаков, вовлекавшихся в сферы влияния различных конфессий (123, 124). Однако источники не подтверждают сколько-нибудь массового проявления такого прозелитизма.

Воссоздание реальной картины этногенеза крымских татар, как и других народов полуострова, требует глубокого научного изучения. В обобщающей монографии А. Л. Якобсона о крымских татарах говорится как о безусловно пришедшем кочевом этносе, постепенно под влиянием местного земледельческого населения переходящем к оседлости (102, с. 131—134).

Более дифференцирован подход к этому вопросу у американского историка А. Фишера. На основании письменных источников он сделал вывод о сложном характере формирования крымскотатарской этнической общности. В ее составе он выделяет как номадические тюркские, так и оседлоземледельческие христианские компоненты (125).

Как показывают источники, крымскотатарский этнос формировался в основном на полуострове в результате воздействия политического, этнокультурного и конфессионального факторов. В степной части полуострова неоднократно сменялись тюркоязычные кочевые этносы. Еще в первые десятилетия X в. здесь появились печенеги, уничтожившие в Восточном Крыму болгарское население, а в середине XI в. расселились половцы. К XIII в. сложился смешанный печенежско-половецкий этнос. В январе 1223 г. в Крым вторглись татары. В источниках для их обозначения практически не употребляется этноним «монголы», а только «татары». Материалы раскопок дают основание говорить, что в Северо-Западном Причерноморье и в степном Крыму в XIII в., как и ранее в XI в., не было полной смены населения. Вероятно, часть уцелевших половцев попала в подчинение Золотой Орды и легко ассимилировалась в среде завоевателей, где тюркоязычные элементы, по сообщению, например, Рашид-ад-дина, составляли немалую часть.

Христианское население крымского улуса испытало сильное идеологическое и политическое давление. Источники свидетельствуют о мусульманизации части христиан (особенно после провозглашения золотоордынским ханом Узбеком ислама государственной религией).

Заметное этнокультурное влияние на татар оказала эмиграция из малоазийских сельджукских султанатов. Это хорошо прослежено раскопками И. Н. Бороздина и М. Г. Крамаровского в Старом Крыму (118, 126).

Большую роль в процессе формирования крымских татар сыграл распад Золотой Орды. В первой половине XV в. возникло Крымское ханство, в состав которого вошли земли между Дунаем и Днепром, Приазовье, Крым и часть Прикубанья.

В 1475 г. Османская империя завоевала и включила в свои владения генуэзские колонии и княжество Феодоро, составлявшие большую часть Горного Крыма. Турецкие владения управлялись султанской администрацией и не подчинялись ханам. С 1478 г. Крымское ханство, официально стало вассалом Османской Порты и это положение сохранилось до Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г.

Названные события усилили консолидацию христиан, оказавшихся под турецкой администрацией и их деэтнизацию на территории, контролируемой ханской властью. Возможно в горах ассимилизиция грекоязычного и аланоязычного населения повлияла на формирование этнического облика какой-то части крымских татар.

Для понимания этнической ситуации в османских владениях на полуострове исключительно важны публикация и анализ

сведений, содержащихся в книгах дефтеров (126а).

До начала XVI в. мусульманское население обычно называли «татарами». В первой половине XVI в. зафиксировано употребление этнонима «крымские перекопские татары» (127, с. 346, 352; 128, с. 258).

На протяжении XVI—XVIII вв. у крымских татар, в особенности в горах, кочевое скотоводство постепенно сменяется земледелием, хотя в степной части этот процесс не завершился и в XIX в.

Переход к оседлости сопровождался формированием социального института — земледельческой общины, джемаата, вероятно, перенятой в процессе общения: татар с местным христианским земледельческим населением.

Вопрос о численности населения Крымского ханства требует дальнейшего изучения. Имеющиеся источники позволяют говорить о 250—300 тыс. чел. в середине XVIII в. (Крым и причерноморские степи). В 70—90-х гг. XVIII в. численность татарского населения значительно сократилась в результате военных действий и эмиграции. К концу XVIII в. оно составляло около 160 тыс. чел.

В дальнейшем на протяжении XIX в. произошло несколько эмиграционных волн крымских татар, преимущественно в Турцию. Самая значительная отмечается в начале 60-х, когда Крым покинуло свыше 180 тыс. татар и ногайцев. С этого времени численность татар составляла в Крыму около 50% от общего числа жителей, продолжая сокращаться, достигнув к 20-м гг. XX в. 25% (129; 130; 131).

Уже с конца XVIII в. начинается активное заселение пустовавших земель в Крыму переселенцами из России и Украины, а также иностранными колонистами (немцами, чехами, эстонцами, болгарами). Особенно заметным этот процесс становится во 2-й половине XIX в., когда несмотря на массовую эмиграцию крымских татар, население Таврической губернии в целом возросло с 0,5 до 1,5 млн. человек (132; 133; 134; 135; 136; 137).

Однако и в этих условиях крымские татары сохранили свою самобытную культуру. В настоящее время крымские татары представляют этнос, консолидированный сознанием единства своего происхождения. В их среде особо настойчиво распространяется идея об автохтонном характере этногенеза, начальный его этап априори отождествляется с киммерийцами или тавраками. Данное представление об этногенезе сформировалось главным образом в период изгнания из Крыма — за последние 30—40 лет.

Серьезного внимания специалистов требуют проблемы этногенеза караимов и крымчаков. Публикации, посвященные им, появились в основном за пределами Крыма и Украины. Можно отметить четыре сборника Московского фи-

лиала Географического общества, выпущенных в 1983—1989 гг., со статьями М. С. Куповецкого, В. Ю. Чернина, Р. М. Капланова и др. авторов, посвященных вопросам этнонимии, лингвистики, демографии и этнической географии караимов и крымчаков (138, с. 76—93; 139, с. 94—104; 140, с. 83—94; 141, с. 95—105).

Попытку рассмотрения проблемы этногенеза восточноевропейских караимов на скудном пока еще антропологическом материале предпринял В. П. Алексеев (142, с. 346—350).

Отметим появление в 1990 г. историографической статьи И. В. Ачкинази, посвященной этногенезу крымчаков (143, с. 170—173).

Для решения проблемы иудаистских этноконфессиональных общностей Крыма большое значение имеют эпиграфические источники. В сочетании с археологическими материалами они позволяют нарисовать объективную картину сложения и взаимовлияния караимского и крымчацкого этносов.

Очевидно, назрела необходимость поставить вопрос о выделении единой этнически недифференцированной материальной культуры населения Крыма XVI—XVIII вв. Основанием для этого являются результаты многолетних наблюдений во время археологических раскопок позднесредневековых слоев Кафы, Керчи, Арабата, Чуфут-Кале, Мангупа, Старого Крыма и других памятников.

В заключение отметим, что в Крыму природные контрасты — сочетание степных и горных ландшафтов, органическая связь с евразийской степью на севере и морское окружение с трех других сторон — способствовали как притоку кочевового населения, так и воздействию со стороны цивилизаций и культур средиземноморского бассейна. Именно к началу этих морских контактов относятся первые сведения в письменных источниках об этнических общностях, населявших Таврику. Появляется возможность отождествления археологических комплексов с носителями этнонимов, упоминаемых античными авторами, хотя зачастую это сопряжено с серьезными трудностями и порождает острые дискуссии, нередко длящиеся десятилетиями. Это в полной мере касается и степных культур, связанных с кочевниками XIII—XIV вв. Тем более нужно проявлять осторожность при толковании текстов византийских авторов, содержащих важную информацию о жизни средневековой Таврики. Анализ конкретного содержания этнонимов — естественная задача любого палеоэтнографического исследования. Однако в практике научного поиска этнонимы нередко могут увлечь по неверному пути. Излишняя доверчивость, безапелляционное признание достоверности и адекватности термина его истинному содержанию легко становится причиной искажения исторической реконструкции. Одержимость при этом нацио-

нальной идеей может вообще привести к фантастическим умозаключениям, не выдерживающим проверки историческими источниками.

Сказанное в полной мере относится и к топонимическим штудиям, нередко носящим самодовлеющий характер в отрыве от данных других исследований.

Подводя итоги отметим, что с точки зрения современной этнологии практически не бывает как абсолютно автохтонных, так и чисто пришлых народов. В реальном этносе как одни, так и другие элементы находятся в сложном переплетении. Это хорошо выявляется при рассмотрении конкретных этапов этнической истории Крыма.

Специфика ее состоит в высокой динамичности этносоциальных и этнополитических процессов. Здесь весьма сложно выделить устойчивые границы между этническими массивами не только на продолжительных исторических этапах, но и в узких хронологических рамках. Уместнее говорить о наложении друг на друга этнических, социально-политических и конфессиональных пластов и об их сосуществовании.

Оценивая современное состояние исследований по этнической истории Крыма и перспективы их развития, следует признать необходимость преодоления упрощенного понимания этногенеза как механического процесса прихода и смены одних этносов другими. Столь же уязвимы для критика представления об исконности существования того или иного современного народа на данной территории. Результаты многолетних археологических исследований памятников различных эпох, прежде всего некрополей, непредвзятый анализ письменных и других источников позволяют усомниться в возможности длительного существования в Крыму на протяжении нескольких исторических эпох каких-то отдельных этносов, без изменений сохраняющих свою культурную специфику и самосознание. Ни один из ныне живущих на полуострове народов не может быть этногенезом связан с киммерийцами, таврами, скифами. Достаточно проблематична такая связь с раннесредневековыми этническими общностями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тереножкин А. И. Киммерийцы. — Киев: Наук. думка, 1976.
2. Тохташев С. Р. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — М: Наука, 1984.
3. Скржинская М. В. Происхождение киммерийской топонимики в Северном Причерноморье // Античные древности Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1988.
4. Щепинский А. А. Погребение нача-

- ла железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. — 1962. — Вып. 2.
5. Корпусова В. Н., Белозер В. П. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. — 1980. № 3.
 6. Куclidина И. В. Этногеография Скифии. — Л.: Наука, 1985.
 7. Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М.: Наука, 1981.
 8. Щепинский А. О. Населения Пивденного берега Крыму в эпоху раннего заліза // Археологія — 1977. 21.
 9. Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. — Киев: Наук. думка, 1965.
 10. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в конце II — первой половине I тысячелетия до нашей эры. — Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Киев, 1988.
 11. Колотухин В. А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования // СА. — 1990. № 3.
 12. Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
 13. Откупщиков Ю. В. К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской научн. конф. 1 часть. — Симферополь, 1988.
 14. Трубачев О. Н. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология. — 1977. — М.; 1979.
 15. Трубачев О. Н. Indoaria в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкознания. — 1981. — № 2.
 16. Бонч — Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма // Крым. — 1926. — № 2.
 17. Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСП: — М.: Изд-во АН СССР, 1959.
 18. Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре // СА. — 1985. — № 2.
 19. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. — 1981. — Вып. Д 1—7.
 20. Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. — 1939. — № 3.
 21. Блаватский В. Д. Харакс // МИА. — 1951. — № 19.
 22. Фирсов Л. В. Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) // СА. — 1975. — № 1.
 23. Орлов К. К. Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — Киев: Наук. думка, 1988.
 24. Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Лю-Даг — «святая» гора. — Симферополь: Таврия, 1975.
 25. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского южного бережья // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974.
 26. Шульц П. Н. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму // КСИА АН УССР. — 1957. — Вып. 7.
 27. Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. — Новосибирск: Наука, 1990.
 28. Пиоро И. С. Крымская Готия. — Киев: Лыбидь, 1990.
 29. Солломоник Е. І. Про значення терміна «тавроскіфі» // Археологічні пам'ятки УРСР. — 1962. — Т. 11.
 30. Корпусова В. Н. Расписная родоско-ионийская ойнохия из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. — 1980. — № 2.
 31. Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре // МИА. — 1954. — № 36.
 32. Граков Б. Н. Скифы. — М.: Изд-во МГУ, 1971.
 33. Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. // Труды ГИМ. — 1959. — Вып. 36.
 34. Рыбаков Б. Н. Геродотова Скифия. — М.: Наука, 1979.
 35. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. — Киев: Наук. думка, 1988.
 36. Мелюкова А. И., Яценко И. В. Граков Б. Н. и некоторые проблемы современного скифведения // Проблемы скифо-сарматской археологии. — М., 1990.
 37. Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в центральном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отделения Географического общества СССР. — Симферополь, 1957, Вып. 4.
 38. Яковенко Е. В. Скифы сідного Криму в VI—III ст. до н. э. — Київ: Наук. думка, 1974.
 39. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — Київ: Наук. думка, 1983.
 40. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1986.
 41. Ольховский В. С. Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М.: Наука, 1991.
 42. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. — 1982. — № 4.
 43. Ольховський В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. — 1990. — № 1.
 44. Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму. — Киев: Наук. думка, 1988.
 45. Покас П. М., Назарова Т. А., Дьяченко В. Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.

- Акташский могильник скифского времени в восточном Крыму. — Киев: Наук. думка, 1988.
46. Лесков А. М. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // СА. — 1961. — № 1.
 47. Масленников А. А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках восточного Крыма // КСИА. — 1976. — Вып. 145.
 48. Масленников А. А. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э. // СА. — 1980. — № 1.
 49. Масленников А. А. К истории населения хоры Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. // ВДИ. — 1981. — № 1.
 50. Масленников А. А. Население Боспорского царства в VI—II вв. до н. э. — М.: Наука, 1981.
 51. Корпусова В. М., Орлов Р. С. Могильник VI—IV ст. до н. э. на Керченскому п-острову // Археология. — 1979. 28.
 52. Граков Б. Н. Термин ΣΚΥΤΑΙ и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. — 1947. — Вып XVI.
 53. Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. — 1948. — № 8.
 54. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. — М.: Наука, 1971.
 55. Высотская Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. — Киев: Наук. думка, 1983.
 56. Кондукторова Т. С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. — М.: Наука, 1979.
 57. Гущина И. И. О сарматах в юго-западном Крыму // СА. — 1967. — № 1.
 58. Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. — Киев: Наук. думка, 1972.
 59. Пуздровский О. Е. Сарматы в Неаполи скифському // Археология. — 1989. — 3.
 60. Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. — М.: Наука, 1971.
 61. Дашевская О. Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1984.
 62. Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II—III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. — 1967. — Вып. 112.
 63. Зубар В. М., Савеля О. Я. Новый сарматский могильник другой половины I початку II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // Археология. — 1989. — 2.
 64. Орлов К. К., Скорый С. А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с поховання в Центральному Криму // Археология. — 1989. — 2.
 65. Щепинский А. О. Скарби сарматської знаті // Вісник АН УРСР. — 1977. — № 10.
 66. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. — Киев: Наук. думка, 1979.
 67. Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. — 1959. — № 1.
 68. Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. — 1973. — № 1.
 69. Масленников А. А. Население Боспорского государства. — М.: Наука, 1990.
 70. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. — Киев: Наук. думка, 1983.
 71. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. — 1932. — XII.
 72. Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. — Л., 1926.
 73. Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1949—1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. — Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
 74. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма, ч. 1. — Симферополь: Крымиздат, 1951.
 75. Кропоткин В. В. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1953.
 76. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия // Античные традиции и византийские реалии. — Свердловск, 1980.
 77. Фронджоло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев: Наук. думка, 1968.
 78. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. — М., 1958.
 79. Баранов И. А. Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. — Т. III. — Киев: Наук. думка, 1986.
 80. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — М.: Наука, 1979.
 81. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М.: Наука, 1989.
 82. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. — 1953. — № 34.
 83. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168.
 84. Гадло А. В. Рецензия на книгу: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. — 1970. — № 168 // ВВ. — 1973. — № 34.
 85. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы: Автореф. дис. докт. ист. наук. — М., 1974.
 86. Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой

- половины VII вв. н. э. // *Материалы к этнической истории Крыма*. — Киев: Наук. думка, 1987.
87. Масленников А. А. Харакс // *Античные государства Северного Причерноморья*. Археология СССР. — М.: Наука, 1984.
 88. Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // *ВИ*. — 1952. — № 4.
 89. Смирнов А. П. К вопросу о славянах в Крыму // *ВДИ*. — 1953. — № 3.
 90. Кропоткин В. В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // *Проблемы советской археологии*. — М.: Наука, 1978.
 91. Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // *СА*. — 1984. — № 1.
 92. Казанский М. М. О происхождении могильников типа Ай-Тодор // *Проблемы истории Крыма*. Тезисы докладов. Вып. 1. — Симферополь, 1991.
 93. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. — Вып. I. — Симферополь: Таврия, 1990.
 94. Васильев А. А. Готы в Крыму // *ИГАИМК*. — 1927. — Т. V.
 95. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — Киев: Изд-во ун-та Св. Владимира, 1899.
 96. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи из Херсонеса // *ИАК*. — 1907. — 23.
 97. Блаватский В. Д. Античная археология и история. — М.: Наука, 1985.
 98. Аммиан Марцелин. История. Перевод Кулаковского Ю., Сони А. — Вып. 3. — Киев, 1908.
 99. Павел Оросий. История против язычников. 7 книг. Перевод Зоргенфрея Г. Г. // *ВДИ*. — 1948. — № 4.
 100. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — Киев, 1914.
 101. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М.-Л., 1949.
 102. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — М.-Л., 1964.
 103. Шелов Д. Б. Волго-Донские степи в гунское время // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. — М.: Наука, 1978.
 104. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
 105. Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южно-русских степей и Казхастана // *СА*. — 1978. — № 1.
 106. Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировке позднеримских слоев городов Боспора // *СА*. — 1989. — № 1.
 107. Zuckerman C. The early Byzantine strongholds in Easter pontus // *Travaux et Memoires*. — Paris. 1991. — № 11.
 108. Сидоренко В. А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорскогоклада монет IV — начала V вв. с подражаниями «лучистого» типа // *Материалы к этнической истории Крыма*. — Киев: Наук. думка, 1987.
 109. Прокл Пий Кесарийский. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева // *ВДИ*. — 1936. — № 4.
 110. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V — IX вв. — Докт. дисс. — М., 1974.
 111. Барсамонов Н. С. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1924—1931 г. — Феодосия, 1932.
 112. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX—XII столетия на Дону и Тамани по археологическим памятникам // *МИА*. — 1941. — Вып. 6.
 113. Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости // *Этнография народов СССР*, 1971. — № 1.
 114. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (Салтово-маяцкая культура). — Киев: Наук. думка, 1990.
 115. Рудаков В. Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // *Социальное развитие Византии*. — Свердловск, 1979.
 116. Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // *Античная древность и средние века*. — 1973. — Вып. 10.
 117. Rousseau. Esquisse d'une Histoire du gotique de la greece // *Sur les Traces de Busbecq'et du gotique Lille*. — 1991.
 118. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. // *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. — Л., 1989.
 119. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // *МИА*. — 1950. — № 17.
 120. Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография. — Красноярск, 1986.
 121. Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города // *Причерноморье в средние века*. — М., 1991.
 122. Белецкий А. А. Греческие диалекты Юго-Востока Украины и проблема их языка и письменности // *Балканская филология*. — Л., 1970.
 123. Гаркавец А. Н. В. В. Бартольд о вероисповедании у кыпчаков X—XIII вв. и проблема этногенеза армяно-греко-кыпчаков и караймов // *Бартольдовские чтения*. Тез. докл. — М., 1974.
 124. Гаркавец А. Н. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья // *Советская тюркология*. — 1981. — № 2.
 125. Fisher F. W. Crimean Tatars. Stanford, 1978.

126. Б о р о з д и н И. Н. Солхат // Новый Восток. — 1929. — № 13, 14.
- 126 A. V e i n s t e i n G. La population du Sud la Crimée du debut de Domination Ottomane // Memorial omer luffi Barkan. — paris, 1980. — Т. 28.
127. Б р о н е в с к и й М. Описание Крыма // ЗООИД. — 1967. — Т. 6.
128. Н о в о к о м с к и й. Павел Иовий. Книга о Московитском посольстве. — СПб., 1908.
129. С к а л ь к о в с к и й А. А. Отчет статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. — Ч. 1.
130. М а р к е в и ч А. И. Уход Таврических ногайцев в Турцию // ИТУАК. — 1913. — № 49.
131. М а р к е в и ч А. И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крым // Изв. АН СССР. Сер. 7. 1928. № 4—7.
132. Д р у ж и н и н а Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. — М., 1959.
133. Д р у ж и н и н а Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. — М., 1970.
134. Д р у ж и н и н а Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма (1825—1860 гг.). — М., 1981.
135. С е к и р и н с к и й С. А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII века // Известия Крымского педагогического института. — 1956. — Т. 23.
136. С е к и р и н с к и й С. А. Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII — начало XX вв.) // Тюркология. — Баку, 1988. — № 4.
137. К а б у з а В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. — М., 1971.
138. К у п о в е ц к и й М. С. Динамика численности и расселения караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. — М., 1983.
139. Ч е р н и н В. Ю. О появлении этнонима «крымчак» и понятия «крымчакский язык» // Там же.
140. К о т л е р И. Б. Фамилии крымчаков как источник их этнической истории // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. — М., 1985.
141. К а п л а н о в Р. М. К истории караимского литературного языка // Там же.
142. А л е к с е е в В. П. Историческая антропология и антропогенез. — М., 1989.
143. А ч к и н а з и И. В. К вопросу об этногенезе крымчаков в советской историографии // МАИЭТ. — 1990. — Т. 1.

Г. А. САНИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В XVII в.

Автор намерен сосредоточить внимание на следующих проблемах, представляющихся ему наиболее важными.

I. Социально-экономическое положение и хозяйство Крымского ханства в XVII в.

II. Политическое положение Крымского ханства в составе Османской империи и его борьба за самостоятельность.

III. Основное внимание будет уделено отношениям Крымского ханства с Россией, Украиной и Речью Посполитой в XVII в.

По всем этим проблемам идут споры, обзор которых сделан автором в ранее опубликованных работах (1; 2; 3), здесь же целесообразно отметить, что общепризнанными итогами исследований как отечественных, так и зарубежных авторов можно считать вывод об экстенсивности кочевого скотоводства крымских татар, чрезвычайно слабом развитии оседлого земледелия, феодальном характере распределения продуктов труда. Все это по мнению исследователей делало невозможным существование населения полуострова без постоянных набегов на северных соседей.

I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В социально-экономическом отношении ханство являло собой на редкость косную, застывшую феодальную структуру, более консервативную, чем феодальные структуры европейских народов. В то время как народы Речи Посполитой, Украины, России уже находились на стадии зарождения капиталистических отношений, в Крыму процветали работорговля, экстенсивное кочевое скотоводство и только кое-где на Южном берегу имелись очаги оседлого земледелия.

Вопрос о развитии земледельческого хозяйства в Крыму в XVII в. требует дополнительного исследования, но уже сейчас можно констатировать, что занимались им в основном бывшие полоняники из Украины, Речи Посполитой и России, и только с середины XVII в. русские источники фиксируют появление татарских оседлых деревень. Своим зерном Крым не мог прокормиться и постоянно нуждался в привоз-